

Analysis of issues concerning attorney-client privilege and the specifics of agreement formation in legal practices

Kamola KHAKIMOVA¹

Tashkent State University of Law

ARTICLE INFO

Article history:

Received October 2025

Received in revised form

5 October 2025

Accepted 10 November 2025

Available online

25 November 2025

ABSTRACT

This article offers a comprehensive analysis of challenges to attorney-client privilege within the advocacy system of the Republic of Uzbekistan, taking account of both traditional and contemporary threats to professional activity. It examines the specifics of legal-assistance agreements across different organizational and legal forms of practice – law firms, bar associations, and solo practice – highlighting how variations in allocation of responsibilities change the risk profile for confidentiality breaches. The study gives special attention to institutional guarantees of attorney independence, the inviolability of office premises and professional communications, and legislative gaps concerning the admissibility and use of information protected by privilege in criminal proceedings. Digital-era threats are considered in detail – cybersecurity vulnerabilities, electronic data leakage, and the need for technical and organizational information-security standards. The paper also analyses the tension between confidentiality obligations and financial-monitoring requirements, as well as risks arising from third-party services and intermediaries. On that basis, the article proposes regulatory and corporate-procedure measures to strengthen attorney-client privilege and enhance public trust in the legal profession.

2181-1415/© 2025 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol6-iss11/S-pp69-78>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

¹ Independent PhD Researcher, Tashkent State University of Law. E-mail: Khakimovak97@gmail.com

Advokat sirini ta'minlash muammolarini va advokatlik tuzilmalarida shartnomalar tuzilishining xususiyatlarini tahlil qilish

ANNOTATSIYA

Kalit so'zlar:

advokat siri,
advokatlik tuzilmalari,
advokatlar kollegiyasi,
advokatlik firmasi,
maxfiylik,
xavfsizlikni ta'minlash,
tinglash, tintuv,
qiyosiy huquq,
advokat mustaqilligi,
ma'lumotlarning sizib
chiqishi,
intizomiy javobgarlik.

Maqolada O'zbekiston Respublikasidagi advokatlik tuzilmalari faoliyatida advokat siri himoyasini ta'minlash bilan bog'liq muammolar an'anaviy va zamonaviy kasbiy xavflarni hisobga olgan holda kompleks tahlil qilinadi. Turli tashkiliy-huquqiy shakllarda, jumladan advokatlik firmalari va advokatlar kollegiyalarida yuridik yordam ko'rsatish bo'yicha shartnomalar tuzilishining o'ziga xos jihatlari o'rganilib, mas'uliyat taqsimoti va maxfiylikning buzilishi xavflaridagi farqlar aniqlanadi. Tadqiqot advokat mustaqilligining institutsional kafolatlari, xizmat xonasi va aloqa vositalari daxlsizligi, shuningdek jinoyat protsessida advokat siri toifasiga kiruvchi ma'lumotlardan foydalanishga oid qonunchilikdagi bo'shliqlarga alohida e'tibor qaratadi. Raqamlı davrning tahdidlari – kiberxavfsizlik, elektron ma'lumotlarning sizib chiqishi, axborot xavfsizligining texnik va tashkiliy standartlarini joriy etish zarurati – atroficha yoritiladi. Shuningdek, advokat sirini saqlash majburiyati va moliyaviy monitoring talablari o'rtasidagi kolliziyalar hamda uchinchi shaxslar tomonidan yuzaga keladigan xavflar tahlil qilinadi. O'tkazilgan tadqiqot asosida advokat sirini himoya qilish kafolatlarini mustahkamlash va advokatura institutiga bo'lgan ishonchni oshirishga qaratilgan normativ-huquqiy va tashkiliy takomillashtirish choralarini taklif etiladi.

Анализ проблем обеспечения адвокатской тайны и особенностей заключения соглашений в адвокатских формированиях

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:
адвокатская тайна,
адвокатские
формирования,
коллегия адвокатов,
адвокатская фирма,
конфиденциальность,
обеспечение безопасности,
прослушивание,
 обыск,
сравнительное право,
независимость адвоката,
утечка информации,
дисциплинарная
ответственность.

В статье проводится комплексный анализ проблем обеспечения адвокатской тайны в системе адвокатских образований Республики Узбекистан, с учетом как традиционных, так и современных вызовов профессиональной деятельности. Исследуются особенности заключения соглашений об оказании юридической помощи в различных организационно-правовых формах адвокатуры, включая адвокатские фирмы и коллегии адвокатов, что позволяет выявить различия в распределении ответственности и риски утраты конфиденциальности. Особое вниманиеделено институциональным гаранциям независимости адвоката, неприкосновенности его служебного помещения и коммуникаций, а также пробелам

законодательства, связанным с использованием сведений, составляющих адвокатскую тайну, в уголовном процессе. Рассматриваются угрозы цифровой эпохи, включая кибербезопасность, утечку электронных данных и необходимость внедрения технических и организационных стандартов защиты информации. Анализируются коллизии между обязанностью сохранять адвокатскую тайну и требованиями законодательства о финансовом мониторинге, а также риски, исходящие от третьих лиц. На основе проведенного исследования предложены меры по совершенствованию нормативной базы и корпоративных процедур, направленные на укрепление гарантий адвокатской тайны и повышение уровня доверия к адвокатуре.

На сегодняшний день адвокаты в Республике Узбекистан имеют право осуществлять свою деятельность индивидуально, учреждая адвокатское бюро. Возможно также сотрудничество с другими адвокатами, например, в адвокатских формированиях как: адвокатская фирма, коллегия адвокатов и юридическая консультация. В частности, существует достаточно причин для реформирования института адвокатуры и порядка оказания ими квалифицированной юридической помощи [1]. Например, на практике возникают вопросы по поводу порядка заключения соглашения об оказании юридической помощи адвокатами, осуществляющими свою деятельность в адвокатских фирмах и коллегиях адвокатов. В связи с этим адвокатская тайна, являясь одним из базовых, системообразующих принципов адвокатской деятельности, не может рассматриваться исключительно как персональная обязанность отдельного адвоката. Она должна обеспечиваться на уровне всей системы адвокатских формирований, включающей коллегии адвокатов, адвокатские бюро, фирмы и иные организационные структуры, в рамках которых осуществляется профессиональная деятельность. Именно эти формирования несут институциональную ответственность за создание такой организационно-правовой, кадровой и технической среды, при которой информация доверителя, ставшая известной адвокату в связи с выполнением им своих профессиональных обязанностей, будет надежно защищена от любого несанкционированного доступа, использования, изменения или разглашения.

Современные условия функционирования адвокатуры усиливают требования к системному характеру защиты адвокатской тайны. Цифровизация документооборота, широкое использование электронных коммуникаций, облачных сервисов и различных платформ для хранения и обработки данных объективно порождают новые уязвимости, связанные с риском кибератак, несанкционированного копирования и утечки информации. Наряду с этим сохраняются и традиционные угрозы тайне доверителя: возможное неправомерное давление со стороны правоохранительных органов и иных государственных структур, стремящихся получить доступ к конфиденциальным сведениям; недобросовестное или неосторожное поведение отдельных работников адвокатских формирований; несоблюдение или формальное исполнение внутренних регламентов и стандартов профессиональной этики.

В этих условиях особое значение приобретает разработка и реализация внутри адвокатских формирований комплексных корпоративных политик и процедур по обеспечению конфиденциальности, включающих обучение персонала, контроль соблюдения правил, использование современных средств информационной безопасности и эффективных механизмов ответственности за нарушение режима адвокатской тайны.

Республика Узбекистан в последние годы предпринимает шаги по реформированию института адвокатуры, включая усиление гарантий независимости адвоката. Тем не менее, практика показывает, что одного формального закрепления норм об адвокатской тайне недостаточно.

Одним из ключевых условий сохранения адвокатской тайны является **защищенность места работы адвоката и его коммуникаций с доверителем** от внешнего вмешательства. Законодательство Узбекистана даёт определенные гарантии в этой сфере, однако важно оценить их эффективность на практике и сравнить с иностранными стандартами. В соответствии с Законом Республики Узбекистан «Об адвокатуре» адвокатской фирмой считается некоммерческая организация, учрежденная несколькими адвокатами на основе партнерского договора по поводу объединения усилий всех адвокатов – партнеров для оказания юридической помощи. Особенность данного адвокатского формирования является то, что каждый адвокат – партнер осуществляет свою деятельность на основе правовой системы Республики Узбекистан, от своего имени и всех своих партнеров. Следовательно, представляя всю организацию, адвокат оказывает юридическую помощь, согласованную с другими партнерами. Именно поэтому, всех партнеров можно назвать солидарными участниками. При оказании юридической помощи лицу, обратившемуся в адвокатскую фирму, адвокат по общему правилу заключает соглашение. Однако, если данный адвокат не является управляющим партнером фирмы или уполномоченным, то информация о нем – т.е. исполнителе может указываться в разделе о предмете соглашения. Это связано с тем, что правом на заключение соглашения (договора) может наделен только управляющий партнер, который не всегда выступает в качестве непосредственного исполнителя. «Соглашение (договор) об оказании юридической помощи с доверителем (подзащитным) заключается управляющим партнером или иным партнером от имени всех партнеров на основании выданных ими доверенностей» [2].

Одним из ключевых нормативных инструментов институциональной защиты адвокатской тайны выступает режим неприкосновенности служебного помещения адвоката. Согласно статье 6 Закона «О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защите адвокатов», неприкосновенность адвоката распространяется не только на его личность, но и на служебное помещение, используемые им транспорт и средства связи, корреспонденцию, а также принадлежащие ему документы [3]. Это означает, что офис адвокатского формирования, где хранятся материалы дел доверителей, не может быть объектом произвольного обыска, выемки документов или иного вмешательства; для проникновения в такое помещение требуется санкция Генерального прокурора либо приравненного к нему прокурора области. Тем самым законодатель формирует дополнительный барьер от внешнего давления, в том числе со стороны правоохранительных органов, и закрепляет режим особой охраны пространства, в котором сосредоточена адвокатская тайна.

При этом важно учитывать корпоративно-организационное измерение данных гарантий. В адвокатских фирмах, где юридическая помощь оказывается по соглашениям с адвокатом, выполняющим функции управляющего партнёра, последний совмещает собственно адвокатскую деятельность с текущими управлениемскими и организационными полномочиями. Именно через эти управленические функции реализуется значительная часть практических механизмов защиты конфиденциальной информации: утверждаются внутренние правила документооборота, порядок доступа к делам, регламенты взаимодействия с персоналом и внешними органами. Формально-правовой основой такой корпоративной организации выступает устав юридического лица – адвокатской фирмы, который, в соответствии со статьёй 43 Гражданского кодекса Республики Узбекистан, должен закреплять наименование юридического лица, место его нахождения (почтовый адрес), а также порядок управления его деятельностью [4]. В совокупности режим неприкосновенности служебного помещения и уставно закреплённые модели корпоративного управления формируют институциональный каркас, в рамках которого адвокатские формирования обязаны выстраивать целостную систему обеспечения и охраны адвокатской тайны в условиях как традиционных, так и новых технологических вызовов.

Вместе с тем анализ институциональных гарантий адвокатской тайны был бы неполным без разграничения организационно-правовой природы различных форм адвокатских образований – прежде всего коллегий адвокатов и адвокатских фирм. Если в адвокатской фирме юридическая помощь, как правило, оказывается от имени юридического лица, действующего через управляющего партнёра или уполномоченного адвоката, то в коллегии адвокатов правовая конструкция принципиально иная.

Что касается заключения соглашения (договора) об оказании юридической помощи адвокатом – членом коллегии адвокатов, то по своей правовой природе коллегия адвокатов и адвокатская фирма сходны лишь в одном аспекте: они учреждаются несколькими адвокатами для осуществления адвокатской деятельности. В соответствии со статьёй 43 Закона Республики Узбекистан «Об адвокатуре», коллегия адвокатов представляет собой некоммерческую организацию, основанную на членстве адвокатов, при этом минимальное количество её членов составляет десять человек. В отличие от адвокатской фирмы, при которой договор, как правило, заключается от имени юридического лица, в коллегии соглашение об оказании юридической помощи заключается от собственного имени конкретного адвоката – члена коллегии. Иными словами, договорные отношения возникают непосредственно между доверителем и индивидуальным адвокатом, без необходимости оформления доверенности от остальных членов коллегии.

Такое построение влечёт важные правовые последствия. Во-первых, единственным исполнителем обязательств по соглашению и процессуальным представителем доверителя признаётся тот адвокат, который вступил в переговоры с доверителем и заключил с ним договор. Соответственно, именно этот адвокат несёт персональную ответственность за надлежащее исполнение принятых на себя обязательств, в том числе за соблюдение адвокатской тайны в рамках конкретного поручения. Во-вторых, контингент доверителей, которым

оказывается юридическая помощь, юридически «привязан» не к коллегии адвокатов как организации, а к конкретным адвокатам – членам коллегии, исходя из заключённых ими соглашений.

Из этого следует, что прекращение или приостановление статуса адвоката, а также его выход из коллегии, как общая норма, влечёт прекращение договорных отношений с доверителем, если иное прямо не предусмотрено законом или соглашением сторон. Передача производства по делам управляющему члену коллегии либо иному адвокату без явно выраженного волеизъявления доверителя представляется недопустимой, поскольку это фактически означало бы отчуждение «клиентской базы» в пользу коллегии адвокатов как организации. С научной точки зрения подобная практика способна вступать в противоречие с персонализированным характером доверительных отношений между доверителем и адвокатом, а также создавать дополнительные риски для сохранения адвокатской тайны, поскольку доступ к материалам дела получают лица, с которыми доверитель не вступал в договорные отношения и которым он не поручал ведение своего дела.

При прекращении деятельности коллегии адвокатов правовые последствия также носят индивидуализированный характер: каждый адвокат продолжает нести непосредственную ответственность перед своими доверителями по неисполненным либо по неоконченным обязательствам. Это подчёркивает, что коллегия адвокатов, хотя и обеспечивает организационную и инфраструктурную базу для осуществления адвокатской деятельности, не «поглощает» личный характер отношений доверия и конфиденциальности между адвокатом и доверителем. Таким образом, в модели коллегии адвокатов институциональные гарантии адвокатской тайны строятся на сочетании корпоративной организации (наличие устава, внутренних правил, дисциплинарного механизма) и сохранении персональной ответственности адвоката за сохранность полученной от доверителя информации.

В сравнении с адвокатской фирмой, где значительная часть гарантий конфиденциальности реализуется через корпоративное управление юридическим лицом (управляющий партнёр, внутренние комплаенс-процедуры, централизованный документооборот), модель коллегии акцентирует именно статус адвоката как самостоятельного носителя профессиональных обязанностей. Это различие в организационно-правовой конструкции отражается и на механизмах обеспечения адвокатской тайны. Если в адвокатской фирме ключевым становится надлежащее регулирование доступа к информации внутри юридического лица, то в коллегии критическое значение приобретает дисциплинарная и этическая ответственность каждого адвоката, а также прозрачность процедур перераспределения дел и информирования доверителя при изменении статуса адвоката или структуры коллегии.

Несмотря на наличие формальных гарантий, общей и нерешённой для всех правопорядков проблемой остается их надлежащее практическое применение. С одной стороны, закон закрепляет особую защиту служебных помещений адвоката, с другой – сохраняются риски, связанные с производством следственных действий в отношении доверителя, который может хранить адвокатские документы у себя, а также с изъятием материалов, переданных адвокатом в суд

или государственные органы. Так, в случае подачи адвокатом жалобы или ходатайства, содержащих сведения, относящиеся к доверителю, существует опасность их последующего использования следственными органами в качестве доказательств. Вместе с тем исходным принципом является особый режим охраны адвокатского досье. В российской правоприменительной практике, как отмечается в доктрине, закреплён запрет на использование изъятых у адвоката материалов дела доверителя в качестве доказательств [5]. В Узбекистане аналогичный запрет в явном виде в Уголовно-процессуальном кодексе не сформулирован, что теоретически оставляет определённую «лазейку». Хотя общие принципы справедливого судебного разбирательства предполагают недопустимость доказательств, добывших незаконным путём, представляется целесообразным нормативно закрепить в УПК Республики Узбекистан прямую норму, аналогичную российской, о недопустимости использования сведений, составляющих адвокатскую тайну, против интересов доверителя.

Особого внимания требует и вопрос контроля коммуникаций адвоката с доверителем в условиях цифровизации. В современную эпоху электронных и мобильных средств связи конфиденциальность переговоров адвоката приобретает самостоятельное значение как элемент обеспечения адвокатской тайны. Законодательство Узбекистана относит телефоны и иные телекоммуникационные устройства адвоката к объектам, на которые распространяется режим неприкосновенности, что означает необходимость получения санкции Генерального прокурора для осуществления их прослушивания. Однако с технической точки зрения организация такого контроля существенно проще, чем проведение обыска в помещении, что порождает дополнительные риски злоупотреблений. Опасность заключается в том, что адвокат может не быть осведомлён о факте прослушивания его переговоров, если соответствующие оперативно-розыскные мероприятия осуществляются негласно на основании санкции компетентного органа.

Действующее законодательство не предусматривает обязанности уведомлять адвоката по завершении такого контроля. В ряде зарубежных правопорядков, в частности в Германии, существует требование последующего уведомления лица о факте прослушивания, когда такое уведомление уже не способно повлиять на ход расследования. Отсутствие аналогичной нормы в национальном праве лишает адвоката возможности узнать о возможном вмешательстве в его коммуникации и, соответственно, обжаловать такие действия. В качестве одного из направлений совершенствования возможно рассматривать введение дополнительных механизмов контроля, например, участие представителя Палаты адвокатов при санкционировании подобных мер либо обязательное информирование Палаты адвокатов (с соблюдением режима секретности) о фактах прослушивания переговоров адвокатов. Подобные предложения требуют детальной нормативной и институциональной проработки, но их цель состоит в минимизации риска нецелевого и несоразмерного использования инструментов контроля коммуникаций в ущерб адвокатской тайне.

Отдельного внимания заслуживает вопрос доступа к электронным данным и кибербезопасности, который в современных условиях превращается в самостоятельную и крайне значимую составляющую обеспечения адвокатской

тайны. Сегодня преобладающая часть профессиональной коммуникации и документооборота осуществляется в цифровой среде: через электронную почту, мессенджеры, специализированные платформы и облачные сервисы. В этих условиях информационная безопасность адвокатских формирований становится критически важным элементом защиты конфиденциальных сведений доверителей. При этом действующее законодательство Узбекистана прямо не регулирует вопросы цифровой защиты адвокатской информации, ограничиваясь общими нормами о тайне переписки и неприкосновенности коммуникаций. Следовательно, обязанность по организации надлежащей кибербезопасности фактически возлагается на сами адвокатские образования, которые должны обеспечивать шифрование электронной переписки, использование защищённых облачных хранилищ и внедрение иных технических средств защиты.

Проблема усугубляется тем, что многие адвокаты в силу специфики профессиональной подготовки не обладают достаточными техническими знаниями, а специализированные рекомендации Палаты адвокатов по вопросам цифровой безопасности пока ограничены. В качестве позитивного примера можно привести Российскую Федеральную палату адвокатов, которая в 2021 году утвердила «Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката» [5], выделив значительный раздел вопросам защиты электронных коммуникаций. В частности, рекомендовано использовать сертифицированные криптографические средства, избегать публичных незащищённых сетей, регулярно обновлять программное обеспечение и антивирусные системы.

Таким образом, кибербезопасность остаётся одним из наиболее уязвимых элементов системы охраны адвокатской тайны. Даже добросовестный адвокат может стать жертвой хакерской атаки или обычной утечки данных, например, в случае потери ноутбука или мобильного телефона, содержащего материалы доверителей. Хотя в Узбекистане пока не зафиксировано резонансных инцидентов, риски объективно возрастают по мере внедрения электронного документооборота, развития системы «Электронный суд» и увеличения цифровых баз данных. В качестве возможного направления совершенствования можно рассматривать разработку Палатой адвокатов Республики Узбекистан стандарта или руководства по информационной безопасности адвокатских образований, где были бы зафиксированы минимальные технические и организационные требования.

В международной практике часто обсуждается и проблема потенциального конфликта между обязанностью адвоката сохранять профессиональную тайну и требованиями законодательства о финансовом мониторинге. В Узбекистане соответствующие требования содержатся в Законе Республики Узбекистан «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» от 26 августа 2004 года № 660-II [6]. В соответствии со статьёй 15 указанного закона организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, включая адвокатские формирования, обязаны идентифицировать клиентов и сообщать о подозрительных операциях в органы финансового мониторинга.

Хотя на практике адвокаты, представляющие доверителей в суде, обычно не рассматриваются как субъекты финансового мониторинга, теоретически такие обязанности могут возникнуть, например, при сопровождении сделок, учреждении юридических лиц или управлении активами доверителя. В этих случаях возникает коллизия между требованиями финансового контроля и абсолютным характером адвокатской тайны. Законодательство Республики Узбекистан прямо не разрешает этот конфликт, вследствие чего адвокатам нередко приходится самостоятельно искать баланс между противоречащими нормами.

Угрозу адвокатской тайне могут представлять не только государственные органы, но и третьи лица, включая противоположную сторону по делу, заинтересованную в получении конфиденциальной информации. Такие угрозы проявляются в попытках взлома офисных помещений, хищениях документов, подкупе недобросовестных сотрудников и иных противоправных действиях. В этих случаях действуют общие нормы уголовного и гражданского законодательства, которые квалифицируют такие деяния как незаконные.

Адвокатские формирования обязаны обеспечивать должный уровень профилактической защиты: организовывать физическую и техническую охрану, использовать сейфы для хранения особо важных дел и досье, ограничивать круг лиц, имеющих доступ к документам доверителей, и внедрять внутренние процедуры доступа и контроля.

В Правилах профессиональной этики адвокатов Республики Узбекистан содержится важное предписание: пункт 16 обязывает адвоката вести отдельное производство (досье) материалов и документов доверителя именно в целях обеспечения адвокатской тайны [7]. Это требование следует понимать не только как обязанность систематизировать документы, но и как необходимость обеспечить их надлежащее хранение, исключающее случайный или преднамеренный доступ посторонних лиц.

Следовательно, для обеспечения адвокатской тайны важна не только внешняя правовая защита, но и внутренняя организация работы адвокатских формирований, где акцентируется делопроизводство, обучение персонала, информирование доверителей, управление доступом к информации. Существенную роль играет и дисциплинарная ответственность за нарушение адвокатской тайны. В Узбекистане вопросы дисциплинарного производства находятся в компетенции квалификационных комиссий, однако информация о фактическом числе привлечений адвокатов к ответственности за такие нарушения ограничена, что затрудняет оценку эффективности механизма.

Значительная часть проблем проистекает из недостаточной подготовленности молодых адвокатов, которые не всегда осознают абсолютный характер требований о сохранении конфиденциальности. На основании анализа представляется возможным предложить комплекс мер по укреплению режима адвокатской тайны в адвокатских образованиях Республики Узбекистан:

– в УПК Республики Узбекистан или Закон «Об адвокатуре» внести норму о недопустимости использования сведений, составляющих адвокатскую тайну, в качестве доказательств против доверителя;

– рассмотреть возможность закрепления обязательного присутствия представителя Палаты адвокатов при проведении обыска или выемки у адвоката;

– разработать и утвердить Палатой адвокатов Республики Узбекистан стандарты информационной безопасности, предусматривающие технические и организационные меры защиты;

– включить в программу стажировки адвокатов специальный модуль по адвокатской тайне, ориентированный на практические навыки поведения в конфликтных и стрессовых ситуациях.

В заключение следует отметить, что реализация указанных предложений позволит не только обеспечить эффективность нормативных гарантий адвокатской тайны, но и повысить уровень доверия граждан к институту адвокатуры. Комплексный подход, включающий обновление законодательства, внедрение корпоративных стандартов и укрепление профессиональной культуры, является необходимым условием укрепления адвокатуры и повышения качества правосудия в Республике Узбекистан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Кодиалиев С., Тулаганова Г. Роль адвоката в реализации права на защиту и квалифицированную юридическую помощь, установленного Конституцией Республики Узбекистан // Review of law sciences. – 2020. – Т. 1. – Спецвыпуск.
2. Закон Республики Узбекистан от 27.12.1996 г. № 349-I «Об адвокатуре lex.uz
3. Закон Республики Узбекистан от 25.12.1998 г. № 721-I «О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защите адвокатов» –lex.uz.
4. Гражданский кодекс Республики Узбекистан от 21.12.1995 г. // Национальная база данных законодательства., № 03/20/603/0071
5. Федеральная палата адвокатов РФ. Рекомендации Совета ФПА РФ от 13.04.2017 г. «Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности» www.fparf.ru
6. Закон Республики Узбекистан «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» от 26 августа 2004 года за № 660-II.
7. Правила профессиональной этики адвокатов РУз (2013)nrm.uz.